

Ши Цзинь очнулся в абсолютной тишине. Он едва разлепил веки — глаза точно песком засыпало — и попытался шевельнуться, но руки и ноги были совсем ватными, без капли сил.

Вместо въедливого запаха дезинфекции он уловил легкий, едва ощутимый аромат геля для душа.

Ши Цзинь похлопал ресницами, пытаясь привыкнуть к темноте и оглядеться, чтобы понять, где находится. Но не успел он и на сантиметр повернуть голову, как прямо перед ним оказалось до боли знакомое лицо.

Лянь Цзюнь?!

Он замер с распахнутыми глазами. Потребовалось некоторое время, чтобы осознать тот факт, что он и Лянь Цзюнь лежат в одной постели. Не сводя взгляда с мужчины и боясь уловить хоть малейшее его движение, он мысленно позвал:

«Сяо Сы, что происходит? Почему Лянь Цзюнь спит со мной? Где мы вообще?»

Сяо Сы заговорщически восторженно запищал:

<Вы на корабле, в каюте Дорогого! Ты что, не узнаешь? Ты проспал целые сутки, и всё это время Дорогой заботился о тебе и не отходил ни на шаг! Цзинь-Цзинь, ты должен поскорее поправиться, иначе он так и будет изводиться~>

От этого елея в голосе системы Ши Цзиня до того передёрнуло, что к телу даже вернулась капелька сил. Он снова посмотрел на лицо Лянь Цзюня и заметил лёгкие тени под его глазами. Вспомнив, как этот человек, едва удерживая равновесие и исходя потом от боли, упорно спускался за ним по веревочной лестнице, Ши Цзинь почувствовал, как сердце сладко сжалось. Он осторожно повернул обмякшее тело набок и въяве уставился на Лянь Цзюня. Взгляд невольно скользил по утончённым, красивым чертам лица. И на душе отчего-то стало невероятно тепло и спокойно.

«А твой Дорогой и впрямь чертовски хорош собой...» — не удержался он от вздоха.

Сяо Сы строго поправил его:

<Не мой Дорогой, а наш Дорогой!>

Наш Дорогой...

Ши Цзинь мысленно смаковал эти слова, и на его губах сама собой расплылась улыбка. Но стоит ему это осознать, как лицо тут же застыло, а рука самовольно поднялась, чтобы коснуться уголка губ. В груди всё смешалось. Он поглядел на спящего Лянь Цзюня ещё мгновение, затем закрыл глаза и с головой натянул одеяло.

<Цзинь-Цзинь, ты чего? Тебе больно?> — радужное настроение Сяо Сы мгновенно испарилось, сменившись тревогой.

Ши Цзинь покрутил головой и чуть спустил одеяло. Помолчав немного, он тихо спросил:

«Скажи мне, Сяо Сы: если бы я тогда не вытащил Лун Ши, я стал бы убийцей? Ведь это я спровоцировал Цзо Яна выбросить его за борт».

Этот вопрос поставил систему в тупик. Сяо Сы долго размышлял, а затем неуверенно

отозвался:

<Но ты ведь его спас! Не накручивай себя, Цзинь-Цзинь, ты вовсе не плохой человек. Если бы Лун Ши остался в руках Цзо Яна, его судьба была бы куча хуже!>

«Конечный итог мог быть один, но смерть Лун Ши от рук Цзо Яна и его гибель из-за моих подстрекательств — это две абсолютно разные вещи». — Ши Цзинь тяжело вздохнул, посмотрел на свои ладони и продолжил: «Когда я провоцировал Цзо Яна, я даже не думал об этом. Я просто искал возможность зацепить Лун Ши. Я не был на сто процентов уверен, что смогу его спасти, но всё равно сделал это — потому что понимал: если мы уйдём без него, то потеряем единственный шанс достать формулу яда».

<Цзинь-Цзинь...> — неуверенно окликнул его Сяо Сы, пытаясь остановить этот поток самокопания.

Но Ши Цзинь не хотел отмахиваться — он отказывался лгать самому себе. В его потупленном взгляде читалась полная ясность и горькая рефлексия.

«Когда я учился в полицейской академии, инструктор говорил мне: навыков у меня хоть отбавляй, но вот характер совершенно не подходит для этой службы. Я тогда еще огрызнулся, мол, полицейские — обычные люди, нельзя требовать от каждого идеального соответствия его стандартам. Позже, когда я начал работать, из всего отдела я действительно меньше всех походил на копа. Коллеги и начальство твердили, что я ошибся профессией, но я не верил. Я был уверен, что отлично справляюсь... Но теперь мне приходится признать: они были правы. Я выбрал не тот путь. Я вообще не имел права давать присягу, я её не достоин. Лун Ши — редкая дрянь и мразь, это факт. Но я не имел права ставить его жизнь на карту ради плана, в успехе которого не был уверен. Сяо Сы, самое последнее дело для полицейского — относиться к чужой жизни с пренебрежением. Эту черту нельзя переступать ни при каких обстоятельствах. И всё же я её переступил».

Сяо Сы шмыгнул носом, изо всех сил сдерживая слёзы:

<Но никто не смеет винить тебя за это, Цзинь-Цзинь...> — слабо пролепетал он.

«Никто? Да я даже представить боюсь, в каком психическом аду я бы сейчас находился, если бы Лун Ши сдох», — Ши Цзинь провел ладонью по лицу, в его глазах стояла непроглядная усталость. — «Если честно, я не жалею ни об одном вчерашнем поступке. Но сейчас, оглядываясь назад, я понимаю, что был просто безумен... Я говорю всё это не потому, что хочу утонуть в жалости к себе или устроить сцену. И я признаю, что поступил неправильно... Просто я внезапно осознал, что в моем сердце жизнь и смерть Лянь Цзюня стали важнее любых моих принципов и морали... Сяо Сы, этот мир правда лишь книга?»

Система молчала. Как и каждый раз, когда он задавал этот вопрос, ответа не последовало.

Ши Цзинь горько ухмыльнулся и посмотрел на спящего Лянь Цзюня. Не удержавшись, он подался ближе, протянул руку и аккуратно коснулся его щеки — проверяя, действительно ли человек рядом с ним живой, теплый и дышащий.

Тогда он изменил вопрос:

«Тогда скажи мне хотя бы, Лянь Цзюнь — он настоящий? Или он и вправду просто персонаж со страниц? Хотя нет, в оригинальном романе о нем вообще ничего не было... Сяо Сы, Лянь Цзюнь настоящий?»

<Он настоящий,> — на этот раз Сяо Сы ответил без колебаний, твёрдо и уверенно. — <Он настоящий, и вы оба выживете и будете жить дальше — вместе. Я обещаю тебе, Цзинь-Цзинь!>

«...И этого достаточно». — Ши Цзинь выдохнул и снова лёгким касанием провел по щеке Лянь Цзюня. Но не успел он отвести руку, как мужчина внезапно распахнул глаза.

Лянь Цзюню потребовалось лишь пара секунд, чтобы очнуться от сна. Он моргнул, его длинные ресницы метнулись, словно бархатные веера, и он пробормотал сиплым от сна голосом:

— Ши Цзинь?

Ши Цзинь обомлел, и вся его редкая меланхолия моментально улетучилась. Он уставился на свою ладонь, всё еще лежавшую на щеке Лянь Цзюня, осознал, насколько ничтожно расстояние между их лицами, вспомнил, как сам же только что придвинулся ближе — и его мозг намертво замкнуло.

В мире мало вещей более неловких, чем лапать кого-то и быть пойманным с поличным!

— Э-э, я просто... — попытался он оправдаться, но оказалось, что говорить вслух куда сложнее, чем у себя в голове. Горло отозвалось резкой болью, а голос прозвучал так, будто щебень дробился о бетон. Испугавшись собственного хрипа, он тут же захлопнул рот и дернулся назад.

Но Лянь Цзюнь перехватил его запястье и снова прижал его ладонь к своей щеке. А затем подался вперед и прикоснулся своим лбом к лбу Ши Цзиня.

Ши Цзинь окончательно одеревенел. Затаив дыхание, он глядел на лицо Лянь Цзюня прямо перед собой, ощущал его дыхание, и в голове снова вспыхнула только что осознанная мысль: жизнь и смерть человека перед ним важнее всего на свете.

Ради этого человека он переступил через то, через что никогда бы не переступил. И хотя осознание этого заставляло его чувствовать вину и терзаться, он не жалел о содеянном. Вернись он в прошлое — скорее всего, он точно так же поставил бы жизнь Лун Ши на кон ради шанса исцелить Лянь Цзюня.

«Я эгоистичный, паршивый ублюдок», — подумал он. Но вместе с тем он не удержался, выпростал вторую руку и неоклюже обхватил мужчину за талию. Он прижал его к себе так крепко, как только мог, уткнувшись лицом ему в грудь.

Что-то с ним точно было не так. Вчера, хотя его тело ломило от холода и боли, всё это казалось сущим пустяком по сравнению с тем, какую муку он испытывал, слушая бредни Лун Ши. Слушая о том, через какой ад пришлось пройти Лянь Цзюню в прошлом, он испытывал лишь одно непреодолимое желание — обнять его и утешить. Что-то сдвинулось внутри, и как прежде уже никогда не будет.

Лянь Цзюнь на секунду замер от неожиданности, но затем ответил на hugs так естественно, будто делал это тысячу раз. Поглаживая его по спине, он тихо спросил:

— Сильно болит? Дядя Лун сказал, что хотя жар спал, мышцы по всему телу сильно повреждены из-за перенапряжения. Тебе нужен полный покой.

«Какой же он ласковый... Даже не оттолкнул меня, хотя я так бесцеремонно на него свалился».

Ши Цзинь понял, что он, похоже, окончательно пропал. Он покрутил головой, сжал объятия

еще крепче и заставил себя снова уйти в небытие прямо в руках Лянь Цзюня — совсем как вчера.

Будем считать, что это просто сон.

— Спокойной ночи, — прошептал он, чувствуя на губах сладковатый вкус самообмана.

Лянь Цзюнь в последний раз провел ладонью по его спине. Он поглядел на уткнувшуюся ему в грудь макушку, потерся подбородком о темные волосы и согревающе прошептал:

— Спокойной ночи... Поправляйся скорее.

После прекрасного сна неизбежно наступает жестокая реальность. Ши Цзинь лежал на кровати. Его мучила жажда, в животе урчало от голода, а нужда звала в туалет, но он не мог даже пальцем пошевелить. Вдобавок всё тело жутко ломило — словом, сегодня этот мир не вызывал у него ни малейшей симпатии.

— Твой Дорогой просто жестокосерден! Взял и бросил больного человека абсолютно одного! — с обидой и практически со слезами на глазах пожаловался он.

<Да он всего лишь вышел переговорить с дядей Луном, его нет меньше минуты!> — запротестовал Сяо Сы.

Ши Цзинь от бессилия застучал затылком по подушке, канюча:

— Я хочу в туалет!

Система чуть не плакала:

<Ну так иди! Кто тебе мешает?>

— Я сесть не могу! В теле вообще нет сил! — Ши Цзинь продолжил сокрушаться.

<Тогда позови Дорогого, он поможет!> — подал мысль Сяо Сы.

— Да ты с ума сошел?! — выдавил Ши Цзинь с таким надрывом, словно его резали без ножа. — Ты только взгляни на своего Дорогого! Это утонченное лицо, эти белые аристократичные руки... У тебя вообще совесть есть — просить ЕГО помогать мне в туалете?! Есть?! Ты вынесешь, если его прекрасные глаза увидят моё... ВОТ ЭТО?!

Сяо Сы испытывал крайне противоречивые чувства — ему было и досадно, и смешно одновременно. Ломающимся голосом он возразил:

<Вынесу! Позови Дорогого, сейчас же позови! Дорогой тебя очень любит, такая мелочь точно не заставит его отвернуться!> Да он, наверное, только рад будет увидеть маленького Цзинь-Цзиня!

— Ты-то вынесешь, а я — нет! — парировал Ши Цзинь. Но тут до него донесся звук открывающейся двери и шорох колес кресла, и он моментально забыл о перепалке с системой. Уставившись в потолок, он состряпал мину полного полного спокойствия: «Всё вжурчало, мне вообще не надо в туалет, я суров и невозмутим».

Лянь Цзюнь подъехал на коляске к самой кровати и молча уставился на Ши Цзиня.

Глаза Ши Цзиня забегали. Ему и хотелось посмотреть на Лянь Цзюня, и одновременно было дико неловко. Добавьте к этому запредельные физиологические позывы — и его лицо медленно перекосило.

Выглядело это ужасно.

Лянь Цзюнь пару секунд с удовольствием созерцал эти мучения, затем опираясь на подлокотники, поднялся. Он откинул одеяло, наклонился, просунул одну руку Ши Цзиню под шею, а вторую подвёл под колени.

Перепугавшись, Ши Цзинь вцепился в его рукав:

— Нет! Не надо нести меня на руках как принцессу! — Это же позор на всю жизнь!

— Ты слишком тяжелый, я тебя не подниму, — без обиняков отозвался Лянь Цзюнь. Говоря это, он лишь помог парню сесть на кровати и кивнул на коляску: — Поедем на этом.

Лицо Ши Цзиня застыло. Оказывается, Лянь Цзюнь и не собирался нести его на руках... Отчего-то на душе даже образовалась легкая досада.

Лянь Цзюнь вкатил коляску в ванную, поднял крышку унитаза и помог Ши Цзиню встать перед ним.

В этот момент единственным желанием Ши Цзиня было наконец облегчиться, но он сжал зубы и не шевелился.

Лянь Цзюнь мягко коснулся его спины и баюкающе произнес:

— Ну же, давай, не терпи. Я обещаю, что не буду смотреть. — С этими словами он действительно отвернулся к двери.

Ши Цзинь и в кошмарном сне не мог представить, что настанет день, когда он услышит слово «попий» из уст Лянь Цзюня. Сердце затопила буря эмоций. В последней отчаянной попытке спасти остатки достоинства он промямлил:

— Может... ты выйдешь? Я сам справлюсь.

— Ты на ногах не стоишь, — отрезом отказал Лянь Цзюнь.

Ши Цзинь попытался напрячь мышцы и с горечью понял, что тот прав. Положив руку на пояс пижамы, он помялся и жалобно попросил:

— Тогда ты хотя бы уши закроешь?

— Я сам переодевал тебя в пижаму. Включая бельё, — хладнокровно выдал Лянь Цзюнь, с потрохами разоблачая ту ужасную правду, о которой Ши Цзинь подозревал, но отчаянно старался не думать.

О Боже.

Понимая, что дальше терпеть невозможно, Ши Цзинь сжал челюсти, решительным движением дернул шнурок пижамных штанов и спустил их вниз.

Жур-жур-жур-жур-буль...

Время, проведенное в ванной, казалось бесконечным. Когда Ши Цзинь закончил свои дела, вымыл руки и был успешно вывезен обратно, ему казалось, что прошло как минимум лет десять. Ему хотелось просто сквозь землю провалиться.

— Позже придет дядя Лун и осмотрит тебя. До этого ничего не ешь — придется потерпеть, — Лянь Цзюнь помог Ши Цзиню снова улечься. После этого он не стал возвращаться в коляску, а присел на край кровати и ласково погладил юношу по волосам. — Вечером мы прибудем в страну М. Твое состояние довольно странное, лучше как можно скорее пройти полное обследование в больнице. Ты ведь жил в стране М, верно? Если захочешь, когда поправишься, я могу съездить с тобой в твой старый дом.

От ласковых прикосновений к голове глаза Ши Цзиня сами собой прищурились от удовольствия. Он косо взглянул на Лянь Цзюня, и от этого нежного взгляда в груди снова защемило. Он не удержался от вопроса:

— Почему ты так добр ко мне?

Лянь Цзюнь встретил его взгляд:

— Ты добр ко мне — так почему я должен относиться к тебе иначе? — ответил он, убирая руку.

«Значит, это просто взаимная вежливость?..» У Ши Цзиня на душе мгновенно стало тоскливо и тошно. Он слабо выдохнул:

— Цзюнь-шао, а где мой планшет? Я хочу поиграть в маджонг... — Только маджонг мог хоть как-то утешить его ранимую, растоптанную реальностью душу.

Сяо Сы лишь устало вздохнул: некоторые люди, вроде бы умные, на деле оказываются беспросветными идиотами!

Лянь Цзюнь поглядел на его бледное, несчастное лицо, и уголки его губ слегка опустились. Помолчав немного, он произнес:

— Хорошо. Но долго не играй — тебе нужно отдыхать.

Ши Цзинь поспешно кивнул, даже не заметив перемены в лице мужчины. Его мысли уже полностью поглотил маджонг.

Маджонг затягивал. Ши Цзинь быстро ушел в игру с головой, ненадолго забыв и о физических муках, и о своих любовных терзаниях. Он даже не заметил, как они прибыли в порт.

На каталке его переправили с корабля прямо в ожидавший автомобиль скорой помощи. Затем доставили в больницу, где устроили тотальный медосмотр. К тому моменту, когда его наконец устроили в палате повышенной комфортности, перевалило за полночь.

Лянь Цзюнь всё это время был рядом. Когда Ши Цзиня уложили, он отошел в ванную и наскоро умылся. Выйдя оттуда, он не стал уходить, а подошел к кушетке для сопровождающих и аккуратно лег.

Ши Цзинь уже проваливался в сон, но шорох заставил его открыть глаза:

— Цзюнь-шао, тебе стоит поехать в отель и нормально выспаться. Со мной всё в порядке, не нужно дежурить, — нахмурился он.

— Спи, — Лянь Цзюнь проигнорировал его слова. Он лежал на боку, лицом к нему, и его голос в ночной тишине звучал невероятно мягко. — Если что-то понадобится — зови. Спокойной ночи. — И он закрыл глаза.

Ши Цзинь умолк. Он всматривался в лицо Лянь Цзюня, которое из-за усталости казалось еще более бледным, чем обычно. Смешанные чувства снова захлестнули его, и он тяжело вздохнул:

«Сяо Сы... а твой Дорогой и впрямь замечательный человек», — произнес он в своей голове.

<О как?> — голос системы звучал натянуто и сухо.

Поглощенный своими мыслями, Ши Цзинь ничего не заметил. Ему было и смущенно, и неловко, и в то же время его терзали сомнения:

«Мне кажется... я к нему...»

Сяо Сы, которого жизнь ничему не учила, снова подался вперед с надеждой:

<Что «к нему»?>

«Ну, я... это...» — Ши Цзинь впервые испытывал подобное к кому-либо, эмоции зашкаливали. «В последнее время Лянь Цзюнь ведет себя как-то странно, да? Но неужели ты правда думаешь, что он просто „странный“? Да наберись ты храбрости и скажи ему — ты мужик или кто, чего бояться?! ...Нет, а вдруг это разрушит нашу дружбу? Я не хочу, чтобы он отгородился от меня». Его мысли кружились, словно бешеная карусель. Это продолжалось довольно долго, пока веки не сомкнулись и он не провалился в сон, так и не закончив фразу.

Сяо Сы: <.....>

А-а-а! А-а-а-а-а! — беззвучно вопила его раненая душа.

На утро, когда пришли результаты анализов, лечащий врач озвучил ровно тот же диагноз, что и дядя Лун: растяжение мышц разной степени тяжести, вызванное непривычной и чрезмерной нагрузкой. Ничего смертельного, нужен лишь должный уход в период восстановления.

Лянь Цзюнь нахмурился. Проводив врача, он подошел к койке.

Ши Цзинь мгновенно натянулся как струна — он панически боялся, что мужчина спросит, при каких именно обстоятельствах он так «растянул мышцы». Он твердо решил: если Лянь Цзюнь спросит, он сделает круглые глаза и будет до последнего закосить под дурачка.

— Должно быть, это из-за неправильной техники плавания и резкой нагрузки, — неожиданно произнес Лянь Цзюнь, сам дав Ши Цзиню идеальное оправдание. Он погладил предплечье юноши: — Тело болит?

Ещё как болело! Особенно поясница и ноги, на которые пришелся основной удар баффа русалки — хоть волком вой. Но под этим заботливым взглядом Ши Цзинь почувствовал не столько боль, сколько странное, приятное покалывание. Ему безумно захотелось уткнуться мужчине в грудь и свернуться калачиком.

Чисто рефлекторно он накрыл ладонь Лянь Цзюня своей и слегка сжал её. А через секунду до него дошло, что он только что «домогался шефа», и он замер.

— Врач сказал, пока нужно понаблюдать. Первые два дня придется походить в эластичных

бинтах, делая горячие компрессы и массаж. Будет немного неприятно. — Лянь Цзюнь легко перехватил его руку и свободной поправил одеяло — его движения были совершенно естественными. — Хочешь снова поиграть в маджонг? Я принес твой планшет, он заряжен.

От такого ласкового обращения в голове у Ши Цзиня снова все смешалось. Он косо взглянул на их сцепленные пальцы, чуть подвинулся к Лянь Цзюню и спросил:

— Цзюнь-шао... э-э... а у тебя есть кто-то, кто тебе нравится?

Лянь Цзюнь замер, не закончив поправлять одеяло. Он поднял голову, долго и пристально смотрел на юношу, а затем слегка кивнул.

Ши Цзиню показалось, будто его сердце бросили в прорубь. Он ошеломленно уставился на него и заикаясь выдавил:

— Т-ты... правда?! Кто это?! Это ведь не Лун Ши, да?! — При упоминании предателя его голос аж сорвался.

— Не глупи. — Лянь Цзюнь нахмурился, высвободил руку из хватки Ши Цзиня и слегка щелкнул его по лбу. — Подумай еще.

«Подумай еще»?!

Ши Цзинь изо всех сил попытался подавить боль в груди и заставил мозги работать. С трудом проглотив ком в горле, он спросил:

— Это... Гуа Второй? Он и красивый, и толковый, и с чувством юмора... — По мере того как он говорил, он всё больше уверялся, что Лянь Цзюню нравится именно Гуа Второй, и окончательно пал духом.

«Всё кончено... Куда мне до Гуа Второго...»

Лянь Цзюнь уловил каждую смену эмоций на лице юноши, и лёгкое раздражение от его диких догадок испарилось.

— Ши Цзинь, ты и впрямь непроходимый дурак, — тихо произнёс он.

«Да-да, конечно, я и близко не такой умный, красивый и талантливый, как Гуа Второй...» — мрачно подумал Ши Цзинь, уже готовый с головой уйти в самобичевание.

В конце концов Лянь Цзюнь больше не смог смотреть на это глупое, несчастное создание. Он поднялся, накренился над койкой, обхватил его лицо обеими ладонями и накрыл его губы своими в поцелуе, слегка прикусив их, чтобы выместить досаду.

Сяо Сы: <...А-а-а-а-а-а-а! Дорогой, я люблю тебя!>

Ши Цзинь распахнул глаза во весь накал. Он рефлекторно вцепился пальцами в одежду Лянь Цзюня.

Лянь Цзюнь чуть отстранился, слегка сжал его одеревенелую щеку и прохладно произнес:

— Ши Цзинь, если ты продолжишь валять дурака, мы завтра же летим обратно в город В.

Ши Цзинь чувствовал себя так, словно его обухом по голове оглушили. Завороженно глядя на

губы мужчины, он пробормотал:

— Обрато в город В? Зачем?

— Разумеется, чтобы зарегистрировать брак в отделе гражданских дел, — отозвался Лянь Цзюнь, касаясь пальцами своих губ. Он сел обратно в кресло, взял с тумбочки яблоко и начал неторопливо счищать с него кожуру.

Изошренная логика Ши Цзиня снова заставила его зацепиться совершенно не за то, что нужно. Потрогав свои губы, слегка припухшие после поцелуя, он намудрил лоб и спросил:

— А разве в Китае разрешены однополые браки?

Сяо Сы: <.....>

Эх, счастье было так коротко... Необучаемая бестолочь!

Рука Лянь Цзюня замерла. Он поднял глаза, взгляделся в сбитое, глуповатое лицо Ши Цзиня и произнес:

— Уж довольно давно.

«Правда? В этом мире в Китае легализовали однополые браки? И уже давно?!»

Ошарашенный приятным сюрпризом, Ши Цзинь почувствовал, как его сердце заполнилось розовыми пузырьками... которые так и не смогли взлететь. Он продолжил, всё еще не улавливая сути:

— А, но это всё равно невозможно — расписываться можно только с 22 лет, а мне даже девятнадцати нет! Так что даже если ты увезешь меня в Китай, толку не будет, понял?

Хрусь.

Рука Лянь Цзюня сорвалась, и нож глубоко вошел в мякоть яблока. После долгой паузы он всё же срезал кусочек — ровно на один укус. С абсолютно невозмутимым лицом он засунул его Ши Цзиню прямо в рот и произнес:

— Ешь молча. А потом спать.

— Но... — Ши Цзинь проглотил яблоко и снова открыл рот, собираясь продолжить спор.

Лянь Цзюнь протянул руку, сжал его подбородок и снова поцеловал его.

И вот тогда мир наконец погрузился в тишину, а розовые пузырьки смогли свободно закружиться в воздухе.

<http://bllate.org/book/18125/1758083>